

221	0173-01	ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ	“Не поговорили”	Часть 1 “Музыканты уходят”
222	0173-02	ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ	“Не поговорили”	Часть 2 “В чужом доме”

“Не поговорили” (Коренблит – Левитанский)

Часть 2 “В чужом доме”

1(23). Я напишу вам	– 2.00
2(24). Молитва о возвращении	– 3.28
3(25). Забывание	– 1.54
4(26). В чужом доме	– 1.36
5(27). Моя работа	– 1.24
6(28). Слушаю	– 1.36
7(29). Не забылось	– 1.32
8(30). Рассветы–закаты	– 2.09
9(31). С нас спросится	– 3.28
10(32). Школьная задачка	– 1.43
11(33). Что за мука	– 2.02
12(34). Тиктаканье часов	– 4.30
13(35). Студия звукозаписи	– 1.59
14(36). Простите меня	– 1.08
15(37). Прощание с книгой	– 2.33
16(38). Медленное обучение	– 1.40
17(39). Поле перейти	– 2.22
18(40). Календарь	– 2.50
19(41). Не поговорили	– 2.00
20(42). Вьюга	– 1.40
21(43). Что-то случилось	– 1.36
22(44). Вычеркивание	– 2.49
23(45). Так трудно расставаться	– 2.22
<i>Общее время звучания – 49.21</i>	
<i>Общее время звучания – 95.13</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 2 “В чужом доме”

1. Я НАПИШУ ВАМ

Что делать мне, ума не приложу.
Давайте я вас лучше провожу.

Вы, с вашим недоверьем к чудесам,
живите здесь, а я уеду сам.

Уеду сам. Я взял уже билет.
Я напишу вам через двести лет.

Вас удивит ребячливость письма,
короткого и вздорного весьма.

Я напишу вам что-нибудь про то,
что снова носят длинные пальто,

что вот уже в течение двух недель
у нас не прекращается метель,

что я курю и, в сущности, пока
не думаю о вреде табака...

От этого бессвязного листка
охватит вас внезапная тоска.

И старый пес, ложась у ваших ног,
вздыхнет о том, что тоже одинок.

И будет думать добродушный пес,
как отгадать причину ваших слез.

2. МОЛИТВА О ВОЗВРАЩЕНЬЕ

Семимиллионный город не станет меньше,
если один человек из него уехал.
Но вот один человек из него уехал,
и город огромный вымер и опустел.

И вот я иду по этой пустой пустыне,
куда я иду, зачем я иду, не знаю,
который уж день вокруг никого не вижу,
и только песок скрипит на моих зубах.

Прости, о семимиллионный великий город,
о семь миллионов добрых моих сограждан,
но я не могу без этого человека,
и мне никого не надо, кроме него.

Любимая, мой ребенок, моя невеста,
мой праздник, мое мученье, мой грешный ангел,
молю тебя, как о милости, - возвращайся.
Я больше ни дня не вынесу без тебя!

(О господи, сделай так, чтоб она вернулась,
о господи, сделай так, чтоб она вернулась,
о господи, сделай так, чтоб она вернулась,
ну что тебе стоит, господи, сделать так!)

И вот я стою один посреди пустыни,
стотысячный раз повторяя, как заклинанье,
то имя, которое сам я тебе придумал,
единственное, известное только мне.

Дитя мое, моя мука, мое спасенье,
мой вымысел, наважденье, фата-моргана,
синичка в бездонном небе моей пустыни,
молю тебя, как о милости, — возвратись!

О господи, сделай так, чтоб она вернулась,
о господи, сделай так, чтоб она вернулась,
о господи, сделай так, чтоб она вернулась,
ну что тебе стоит, господи, сделать так!)

И вот на песке стою, преклонив колена,
 стотысячный раз повторяя свою молитву,
 и чувствую – мой рассудок уже мутится,
 и речь моя всё невнятнее и темней.

Любимая, мой ребенок, моя невеста,
 (но я не могу без этого человека)
 мой праздник, мое мученье, мой грешный ангел
 (но мне никого не надо, кроме него),

мой вымысел, наважденье, фата-моргана
 (о господи, сделай так, чтоб она вернулась),
 синичка в бездонном небе моей пустыни
 (ну что тебе стоит, господи, сделать так!).

3. ЗАБЫВАНИЕ

Как медленно тебя я забывал!
 Не мог тебя забыть, а забывал.
 Твой облик от меня отодвигался,
 он как бы расплывался, уплывал,
 дробился, обволакивался тайною
 и таял у неближних берегов –
 и это все подобно было таянью,
 замедленному таянью снегов.
 Все таяло. Я начал забывать
 твое лицо. Сперва никак не мог
 глаза твои забыть, а вот забыл,
 одно лишь имя все шепчу губами.
 Нам в тех лугах уж больше не бывать.
 Наш березняк насупился и смолк,
 и ветер на прощанье протрубил
 над нашими печальными дубами.
 И чем-то горьким пахнет от стогов,
 где звук моих шагов уже стихает.
 И капля по щеке моей стекает...
 О, медленное таянье снегов!

4. В ЧУЖОМ ДОМЕ

Лес лопочет у окна в полудреме.
 Женщина живет – одна в чужом доме.
 Дом не брошен, не забит. Войди в сени –
 и почувствуешь: забыт, забыт всеми.
 Полумрак и тишина, ничего кроме.
 Женщина живет – одна в чужом доме.
 На диване дремлет кот ожирелый.
 Муж ей дарит в Новый год ожерелье.
 Он ей много покупал, много купит.
 Тянутся к ее губам его губы.
 Занавешено окно, постель постлана.
 Все вокруг занесено. Уже поздно.
 Лес бормочет у окна в ночной дреме.
 Женщина живет – одна в чужом доме.

5. МОЯ РАБОТА

Когда земля уже качнулась,
уже разверзлась подо мной
и я почуял холод бездны,
тот безнадежно ледяной,

я, как заклятье и молитву,
твердил сто раз в течение дня:
- Спаси меня, моя работа
спаси меня, спаси меня! –
И доброта моей работы
опять мне явлена была,
и по воде забвенья черной
ко мне соломинка плыла,
мой тростничок, моя скорлупка,
моя свирель, моя ладья,
моя степная камышинка,
смешная дудочка моя...

6. СЛУШАЮ

Грач над березовой чащей. Света и сумрака заговор
Вечно о чем-то молчащий неразговорчивый загород.
Лес меня ветками хлещет в сумраке спутанной зелени.
Лес меня бережно лечит древними мудрыми зельями.
Мягкой травой врачует – век исцеленному здравствовать,
посох дорожный вручает – с посохом по лесу странствовать.
Корни замшелого клена сучьями трогаю голыми
и откликается крона дальними строгими гулами.
Резко сгущаются тени. Перемещаются линии.
Тихо шевелятся в тине странные желтые лилии.
Гром осypается близко, будит округу уснувшую.
Щурюсь от быстрого блеска. Слушаю. Слушаю. Слушаю.

7. НЕ ЗАБЫЛОСЬ

Говорили – ладно, потерпи,
время – оно быстро пролетит.

Пролетело.

Говорили – ничего, пройдет,
станет понемногу заживать.

Заживало.

Станет понемногу заживать,
буйною травой зарастать.

Зарастало.

Время лучше всяких лекарей,
время твою душу исцелит.

Исцелило.

Ну, и ладно, вот и хорошо,
смотришь – и забылось, наконец.

Не забылось.

В памяти осталось – просто в щель,
как зверек, забилось.

8. РАССВЕТЫ–ЗАКАТЫ

И щебет, и кукованье,
и посвисты, и раскаты...
Все больше люблю рассветы.
Все меньше люблю закаты.

Прелюдия дня и утра,
их трепетное рожденье.
Какой-нибудь новой жизни
начало и пробужденье...

Но, скажешь ты, это утро
и раннее это поле –
всего только образ, символ,
метафора, и не боле.

И все же – зачем так быстро
сменяются дни и даты!..
Все дальше наши рассветы.
Все ближе наши закаты.

9. С НАС СПРОСИТСЯ

Светлый праздник бездомности,
тихий свет без огня.
Ощущенье бездомности
августовского дня.

Ощущенье бессменности
пребыванья в тиши
и почти что бессмертности
своей грешной души.

Вот и кончено полностью,
вот и кончено с ней,
с этой маленькой повестью
наших судеб и дней,

наших дней, перемеченных
торопливой судьбой,
наших двух переменчивых,
наших судеб с тобой.

Полдень пахнет кружением
дальних роц и лесов.
Пахнет вечным движением
привокзальных часов.

Ощущенье беспечности,
как скольжение на льду.
Запах ветра и вечности
от скамеек в саду.

От рассвета до полночи
тишина и покой.
Никакой будто горечи
и беды никакой.

Только полночь опустится,
как догадка о том,
что уже не отпустится
ни сейчас, ни потом,

что со счета не сбросится
ни потом, ни сейчас
и что с нас еще спросится,
еще спросится с нас.

10. ШКОЛЬНАЯ ЗАДАЧКА

Эта тряска, эта качка –
ничего в ней нет такого.
Это школьная задача –
поезд шел из пункта А.
Это маленькая повесть
все о том же – ехал поезд,
ехал поезд, ехал поезд
к пункту Б из пункта А.

Это все куда как просто,
время, скорость, расстояние,
время множится на скорость,
восемь пишем, два в уме.
Дождь и ветер, дым и сажа,
три страницы, два пейзажа,
трубы, церковь, элеватор,
две березки на холме.

Это все куда как просто,
повесть, школьная задача,
мы свое уже решили,
мы одни уже в купе.
Мы дочитываем повесть,
повесть, школьная задача,
будка, стрелка, водокачка,
подъезжаем к пункту Б.

Что ж, плати за чай и сахар,
за два ломтика лимона –
вкус лимона, вкус железа,
колеи двойная нить.
Остается напоследок
три-четыре телефона –
три-четыре телефона,
куда можно позвонить.

11. ЧТО ЗА МУКА

Не изменить цветам, что здесь цветут,
и ревновать к попутным поездам.
Но что за мука – оставаться тут,
когда ты должен находиться там!

Ну что тебе сиянье тех планет!
Зачем тебя опять влечет туда!
Но что за мука – отвернуться – нет,
когда ты должен – задохнуться – да!

Но двух страстей опасна эта смесь,
и эта спесь тебе не по летам.
Но что за мука – находиться здесь,
когда ты должен там, и только там!

Но те цветы – на них не клином свет.
А поезда полночные идут.
Но разрываться между да и нет...
Но оставаться между там и тут...

Но поезда, уходят поезда.
Но ты еще заплатишь по счетам
за все свои несказанные да,
за все свои непрожитые там!

12. ТИКТАКАНЬЕ ЧАСОВ

Утро – вечер, утро – вечер, день и ночь.
Стрелки, цифры, циферблаты, сутки прочь.

Гири, маятники, цепи, медный гуд.
Все торопятся куда-то, все бегут.

На ходу махнуть рукою, крикнуть «будь!»,
Съесть сосиску на ходу, и снова в путь.

Сдать багаж, и в самолет, и в облака.
- Как там наши? – как там ваши? – ну, пока!

Гири, цепи, шестеренки, медный звон,
Телеграмма – вместо писем – телефон,

телефонные кабины – о стекло
стук монеты – ваше время истекло!

Нету времени присесть, поговорить,
покалякать, покумекать, покурить.

Нету времени друг друга пожалеть,
от несчастья от чужого ошалеть.

Даже выслушать друг друга – набегу –
нету времени – приедешь? – не могу!

На автобус, на троллейбус, в этот гон,
в эту гонку, в переполненный вагон,

то в обгон, а то вдогонку – на ходу –
в эту давку, суматоху, чехарду,

в автогонку, в мотогонку, в нету мест,
в не толкайтесь, переулками, в объезд,

и в затор у светофора – как в тупик...
Что за время? Наше время, время пик.

Только выхлопы бензина, дым и чад.
Только маятники медные стучат.

Только стрелки сумасшедшие бегут.
Стрелки, цифры, циферблаты, медный гуд.

Словно мир этот бессонный городской
стал огромной часовой мастерской,

часовой мастерской, где со стен –
циферблаты всех фасонов и систем,

где безумные живут часовщики.
Спать ложишься – ходят стрелки у щеки.

Стрелки, цифры, циферблаты, медный зов.
Засыпаешь под тиктаканье часов.

И летишь под этим небом грозовым –
как на бомбе с механизмом часовым.

13. СТУДИЯ ЗВУКОЗАПИСИ

Успеть, пока вертится круг
и вьется магнитная лента.
Не ждать напряженно момента,
когда остановится круг.

Успеть, пока кружится диск,
но только не думать о диске.
Не думать все время о риске,
что все не успеешь сказать.

Не надо форсировать речь,
и, четко скандируя строки,
старайся не думать о сроке,
который тебе отведен.

Спокойно выкладывай их,
свои сокровенные думы,
а все посторонние шумы
сотрутся в положенный срок.

Бесстрашно выстраивай в ряд
свои путеводные вехи,
а все шумовые помехи
механик потом уберет.

Расставится все по местам,
и где-нибудь в памяти века
проявится вся дискотека
записанных им голосов.

Но ты говори, говори,
ты даже не думай об этом.
Смотри, каким медленным
светом наполнена рама окна.

А ты не смотри, не смотри,
как движется час календарный.
Смотри, как медово-янтарный
по дереву движется сок.

Смотри, как решительно вдруг
набухла апрельская завязь.
И все не кончается запись,
и плавно вращается круг.

14. ПРОСТИТЕ МЕНЯ

Свеченье протуберанцев.
Смещение солнечных пятен.
Как мир этот необъятен,
и темен, и непонятен.
Пред храмом его высоким
бессильно толпясь у входа,
одни говорят – Всевышний! –
другие твердят – Природа!
Я ввысь возношу ладони,
куда и кому не зная.
Небесная твердь безмолвна.
Безмолвствует твердь земная.
К кому ж я опять взываю
так набожно, так безбожно –
простите меня, простите! –
помилуйте, если можно?!

15. ПРОЩАНИЕ С КНИГОЙ

Нескончаемой спирали бесконечные круги.
 Снизу вверх пролёты лестницы – беги по ним, беги
 Там, вверху, под самой крышей, в темноте горит окно.
 Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!
 Я люблю сюжет старинный, где с другими наравне
 я не первый год играю роль, доставшуюся мне.
 И, безвестный исполнитель, не расстраиваюсь я,
 что в больших твоих афишах роль не значится моя,
 что в различных этих списках исполнителей ролей
 среди множества фамилий нет фамилии моей.
 Все проходит в этом мире, снег сменяется дождем,
 все проходит, все проходит, мы пришли, и мы уйдем.
 Все приходит и уходит в никуда из ничего.
 Все проходит, но бесследно не проходит ничего.
 И, участвуя в сюжете, я смотрю со стороны,
 как текут мои мгновенья, мои годы, мои сны,
 как сплетается с другими эта тоненькая нить,
 где уже мне, к сожаленью, ничего не изменить,
 потому что в этой драме, будь ты шут или король,
 дважды роли не играют, только раз играют роль.
 И над собственной ролью плачу я и хохочу,
 по возможности достойно доиграть свое хочу –
 ведь не мелкою монетой, жизнью собственной плачу
 и за то, что горько плачу, и за то, что хохочу.

16. МЕДЛЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ

Я медленно учился жить.
 Ученье трудно мне давалось.
 К тому же часто удавалось
 урок на после отложить.

Полжизни я учился жить,
 и мне за леность доставалось,
 но ведь полжизни оставалось,
 я полагал, куда спешить!

Я невнимателен бывал –
 то забывал семь раз отмерить,
 то забывал слезам не верить,
 урок мне данный забывал.

И все же я учился жить.
 Отличник – нет, не получился.
 Зато терпению научился,
 уменью жить и не тужить.

Я поздно научился жить.
 С былою ленью разлучился.
 Да правда ли, что научился,
 как надо научился жить?

И сам плечами лишь пожмешь,
когда с утра забудешь снова
не выкинуть из песни слова,
и что посеешь, то пожнешь.

И снова, снова к тем азам,
в бумагу с головой заройся.
- Сезам, - я говорю, - откройся!..
Не отворяется Сезам.

17. ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Так дни неслись, так быстро время мчалось,
что нам не удавалось наблюдать,
как листья блекли, и не замечалось,
как успевали листья облетать,

как вновь они раскрыться успевали,
и, с дождиком сойдясь накоротке,
цвела сирень, и сливы поспевали,
и дыни золотились на лотке,

и небо постепенно прояснялось,
и как-то утром, выглянув в окно,
спохватывались вдруг, и выяснялось,
что снег лежит на улице давно,

что искрится за ближней подворотней,
не елочные хрупкие шары,
не прошлогодний снег, а новогодний,
в накрапах мандаринной кожуры,

и дети уже возятся с санями,
и не вчера ли выстроенный дом
весь заселен и светится огнями...
Но все это замечилось потом,

когда у нас всю сверкала елка,
и мы, почти совсем уже без сил,
сидели за столом, и кто-то долго
за тостом новый тост произносил

и говорил, что можно жить без боли,
и есть к тому достойные пути,
чтоб день начать – как будто выйти в поле
и жизнь прожить – как поле перейти.

18. КАЛЕНДАРЬ

Давно ли покупали календарь,
а вот уже почти перелистали,
и вот уже на прежнем пьедестале
себе воздвигли новый календарь,
и он стоит, как новый государь,
чей нором до поры еще неведом,

и поданным пока не угадать,
дарует ли он мир и благодать,
а может быть, проявится не в этом.
Ах, государь мой, новый календарь,
три сотни с половиной, чуть поболее,
страниц надежды, радости и боли,
спрессованная стопочка листков,
билетов именных и пропусков
на право беспрепятственного входа
под своды наступающего года,
где точно обозначены уже
часы восхода и часы захода,
рожденья чей-то день и день ухода
туда, где больше нет календарей
и нет ни декаблей, ни январей,
а все одно и то же время года.
Ах, государь мой, новый календарь!
Что б ни было, пребуду благодарен
за каждый лист, что будет мне подарен,
за каждый день такой-то и такой
из тех, что мне бестрепетной рукой
отсчитаны и строго и бесстрастно.
...И снова первый лист перевернуть —
как с берега высокого нырнуть
в холодное бегущее пространство.

19. НЕ ПОГОВОРИЛИ

Собирались наскоро,
обнимались ласково,
пели, балагурили,
пили и курили.
День прошел – как не было.
Не поговорили.

Виделись, не виделись,
ни за что обиделись,
помирились, встретились,
шуму натворили.
Год прошел – как не было.
Не поговорили.

Так и жили – наскоро,
и дружили наскоро,
не жалея тратили,
не скупясь дарили.
Жизнь прошла – как не было.
Не поговорили.

20. ВЬЮГА

Бывает ли это теперь,
как прежде когда-то бывало, -
чтоб вьюга в ночи завывала
и негде укрыться в пути?

Случается ль это теперь,
как прежде когда-то случалось, -
чтоб снежная ветка стучалась
в ночное слепое окно?

Бывает ли это теперь...
Конечно, конечно, бывает –
и вьюга в ночи завывает,
и негде укрыться в пути,

и долго в ночное окно
мохнатая ветка стучится...
Да, все это может случиться,
но только уже не с тобой.

Давно улеглись по углам
бураны твои и метели.
Отпели давно, отсвистели
все лучшие вьюги твои.

...И снова мне снится всю ночь,
как вьюга вдали завывает,
все кличет меня, зазывает,
все манит и манит к себе.

21. ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ

Что-то случилось, нас все покидают,
Старые дружбы, как листья, опали.
Что-то тарелки давно не летают.
Снежные люди куда-то пропали.

А ведь летали над нами, летали.
А ведь кружили по снегу, кружили.
Добрые феи над нами витали.
Добрые ангелы с нами дружили.

Добрые ангелы, что ж вас не видно?
Добрые феи, мне вас не хватает!
Все-таки это ужасно обидно –
знать, что никто над тобой не летает.

Лучик зеленой звезды на рассвете.
Красной планеты ночное сиянье.
Как мне без вас одиноко на свете,
о недоступные мне марсиане!

Снежные люди, ну что ж вы, ну где вы,
о белоснежные нежные девы!
Дайте мне руки, раскройте объятия,
о мои бедные сестры и братья!

... Грустно прощаемся с детскими снами.

Вымыслы наши прощаются с нами.
Крыльев не слышно уже за спиною.
Робот храпит у меня за стеною.

22. ВЫЧЕРКИВАНИЕ

Всё уже круг друзей, тот узкий круг,
где друг моих друзей – мне тоже друг,

и брат моих друзей – мне тоже брат,
и враг моих друзей – мне враг стократ.

Всё уже круг друзей, все уже круг
знакомых лиц и дружественных рук.

Всё шире круг потерь, все глуше зов
ушедших и умолкших голосов.

Уже друзей могу по пальцам счесть,
да ведь и то спасибо, если есть.

Но всё плотней с годами, все плотней
невидимых разрывов полоса.

Но всё трудней с годами, все трудней
вычеркивать из книжки адреса –

вычеркивать из книжки имена,
вычеркивать, навечно забывать,

вычеркивать из книжки времена,
которым уже больше не бывать,

вычеркивать, вести печальный счет,
последний счет вести начистоту –

как тот обратный медленный отсчет
перед полетом в бездну, в пустоту,

когда уже – прощайте насовсем,
когда уже – спасибо, если есть,

в последний раз вычеркивая – семь,
в последний раз отбрасывая – шесть,

в последний раз отсчитывая – пять,
и до конца – отсчитывая вспять,

до той черты, когда уже не вдруг –
четыре, три – и разомкнется круг.

Распался круг – прощайте – круга нет.
Распался – ни упреков, ни обид.

Спокойное движение планет
по разобщенным эллипсам орбит.

И пустота, ее надменный лик
все так же ясен, грозен и велик.

23. ТАК ТРУДНО РАССТАВАТЬСЯ

За то, что жил да был,
за то, что ел да пил,
за все внося, как все,
согласно общей смете,
я разве не платил
за пребыванье здесь,
за то, что я гостил
у вас на белом свете?

За то, что был сюда
поставлен на постой
случайностью простой
и вовсе не по благу,
я разве не вносил
со всеми наравне
предписанную мне
пожизненную плату?

Спасибо всем за все,
спасибо вам и вам,
радевшим обо мне
и мной повелевавшим,
хотя при всем при том
я думаю, что я
не злоупотребил
гостеприимством вашим.

Осталось все про все
почти что ничего.
Прощальный свет звезды –
немыслимо далекой.
Почти что ничего,
всего-то пустяки –
немного помолчать,
присев перед дорогой.

Я вас не задержу.
Да-да, я ухожу.
Спасибо всем за все.
Счастливо оставаться.
Хотя, признаться, я
и не предполагал,
что с вами будет мне
так трудно расставаться.